

Irina Y. Barclay

 <https://orcid.org/0000-0002-5511-7025>

*Appalachian State University
Languages, Literatures & Cultures
L.S. Dougherty Hall-Room 202 B
261 Locust Street
28608-2063 Boone, USA
barclayiy@appstate.edu*

Особенности формирования первых женских биографических формуляров в русской официально-деловой письменности XVII века

The Specifics of the First Female Biographies in the 17th-century Russian Official Discourse

Резюме

Актуальность настоящей статьи заключается в отсутствии филологических исследований, посвященных подробному изучению и описанию первых женских биографических формуляров, которые появились в русской официально-деловой письменности в XVII веке. Именно в них отразились такие важные эпизоды из жизни средневековых женщин, как их семейные связи и сословные принадлежности, фискальные сведения и юридические права наследования на землю другое имущество, лимитированный выбор профессий и условия выживаемости в трагические периоды развития России, места проживания и даже внешние черты. Эти перечисленные экстралингвистические факторы воплотились в лексическом наполнении писцовых документов, в которых главную роль играли собственные женские имена и такие гендерные термины, как девка, жена, мать, сестра, сноха, вдова и повивальная бабка. Перечисленная гендерная терминология выполняла роль своеобразного маркера, который компенсировал возможные пропуски женских имен в писцовой документации в исследуемый промежуток времени.

Для выполнения поставленных целей и задач автором использовались оригинальные рукописи, хранящиеся в российских и шведских государственных архивах, а также уже опубликованные писцовые источники по истории Вологды, Новгорода, Твери и Ярославля. Этот широкий исторический контекст и связанный с ним лингвистический материал позволили

Received: 06.01.2022. Verified: 05.02.2022. Accepted: 09.09.2022.

© by the author, licensee University of Lodz – Lodz University Press, Lodz, Poland. This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution license CC-BY-NC-ND 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/>)

увидеть и проанализировать письменные процессы формирования первых женских биографических формуляров, отдельные черты из которых до сих пор используются в современном русском языке.

Полученные данные могут быть использованы в курсах по истории русского языка XVII века, а также в смежных дисциплинах по исторической славянской ономастике и средневековым гендерным исследованиям.

Ключевые слова: гендер, русская средневековая документация, гендерные термины, женские имена.

Summary

This article is based upon the surprising deficiency of philological studies dedicated to the examination of the first female biographical descriptions that there in abundance in the Russian official discourse of the 17th century. Indeed, these early works reflect fundamental functions attributed to the lives of mediaeval women and depict family connections, locations, class affiliations, fiscal standings, and the legal rights to inherited property and assets. Likewise, we witness a limited choice of female occupations and their dreadful living conditions throughout tragic historical Russian epochs. These external facts, when combined with the incarnate use of applicable female proper names in the official discourse, give a new life to limited-gender terms such as maid, wife, mother, sister, daughter-in-law, widow, and midwife.

This gender terminology played a specific-marker role in first female biographical descriptions, replacing the use of the women's actual first names with their function as maid, wife, sister, mother, etc.

To complete such tasks, goals, and functions are evident in their use in the original manuscripts found in Russian and Swedish archives and also previously published as official sources from the 17th century in the history of Volgograd, Novgorod, Tver, and Yaroslavl. This broad linguistic context allowed us to see and analyse the written processes in the formation and depiction of the first female biographical descriptions, some traits of which are still seen in modern Russian.

The historical-linguistic materials presented in my article might have been useful in the 17th-century Russian Language Courses as well as interdisciplinary studies examining Slavic onomastic and mediaeval gender theories and studies.

Keywords: gender, Russian mediaeval discourse, gender terms, female names.

Во многих историко-филологических публикациях отмечался и до сих пор отмечается высокий исследовательский интерес к некалендарным и календарным мужским личным именам, которые были зафиксированы в официально-деловой письменности XVII века. Перечисление этих собственных имен было связано с целями и задачами Поместного приказа, занимавшегося описаниями разнообразных типов феодального землевладения, ремесел, государственных налогов, а также семей, в которых мужчины выполняли главенствующие роли. Все эти экстралингвистические факторы способствовали появлению и закреплению письменных биографических сведений о мужчинах (Тупиков, 2005; Макарова, 1997).

Женские имена в отличие от мужских упоминались фрагментарно и всегда сочетались с такими гендерными терминами пола, как *девка*, *дочь*, *сестра*, *жена*, *мать*, *вдова*, *сноха* и *повивальная бабка*, в которых были отражены их существенные семейные признаки и наличие акушерской профессии.

Вышеназванные гендерные термины в своих сочетаниях с календарными и некалендарными женскими именами привели к формированию первых женских биографических формуляров, в содержании которых перечислялись социальные сословия и профессиональные занятия женщин, их фискальные сведения и семейный статус, национальности, места проживания и даже внешние черты (Барклай, 2003, 175–187; Селин, 2010, 32–50). Эти небольшие официально-деловые фрагменты XVII века характеризовались использованием однозначной лексики, словообразовательной вариативностью тех или иных собственных имен и относительно свободным порядком слов в синтаксических конструкциях.

Все эти экстралингвистические и собственно лингвистические факторы были обнаружены мною в *Писцовых и переписных книгах Вологды XVII – начала XVIII века* (Пугач, 2018), *Писцовой и межевой книге Твери 1685–1686 г.* (Матисон, 2014), в *Новгородских писцовых документах Смутного времени* (Löfstrand, Nordquist, 2005), *Ярославских писцовых, дозорных, межевых и переписных книгах XVII в.* (Урусов, 1913) и в *Выписях из тверских писцовых и переписных книг Потапа Нарбекова и подъячего Богдана Фадеева 1626 г.* (Тверская ученая архивная комиссия, 1901), которые легли в основу написания предлагаемой статьи¹.

ДЕВКА

В *Новгородской кабальной книге 1614/1615 гг.* писец Семен Лутохин и площадные подьячие Корнилко Ефимьев и Агейко Офонасьев кратко описали биографический формуляр девки Федосьицы Ивановой дочери Гордеева, которая, заняв два рубля у новгородца Андрея Алисина, согласилась стать его работницей:

ркгт .сентября въ д.д к дъяку семену лутохинѣ / площадные подьячие корнилко ефимев агейко ооо/насев принесли к записке служилѣю кабалу а в ка/бале пишут се яз дѣвка еодосица иванова доч / гордѣева саянла есми ѣ новокрещена ѣ ондрея ѣ алисина денег два рубля московским числом сентяб/ря от д числа да того ж числа на год а са рѣ/сть мне еодосицы ѣ гсдря своего ѣ ондрея служити по вся дни во дворе... (Löfstrand, Nordquist, 2005, 187).

¹ В статье см.: ТУАК.

В вышеприведенном биографическом формуляре Федосьицы гендерный термин *девка* был использован в своих словарных значениях ‘молодая незамужняя девушка, служанка’ (СлРЯ 4, 198). Семейный термин *дочь* занял среднюю позицию между именем и фамилией отца девушки, подчеркнув устройство феодальной семьи, в котором главную роль играл отец, а не мать, имя которой осталось неизвестным.

В исследуемых писцовых документах подобный биографический формуляр использовался в описании княжон.

В *Отдельных книгах 1612–1614 гг.*, созданных на территории Водской пятины, упоминалось именно словосочетание князя дочь Олена Белосельская, отцом которой был князь Богдан Белосельский. Очевидно, что накануне своего замужества она получила землю в селе Мроткине в Городенском погосте. Новгородский дьяк Семен Лутохин и губной староста Михаил Неелов зафиксировали имя, фамилию и социальный статус отца Олены, который являлся главным землевладельцем в семье:

Лѣта .#зрка. г сентбря в.г. днь королевског / величества и ноугородцког гедртва бояр и воевод / якова пунтосовичя делегарды да кнзя ивана / никитичя болшог одоевског по грамоте и по вы/писѣ съ книг за приписю діака семена луто/хина вотцкые пятины полу-ские половины / губной староста михила неѣлов ѿделѣл / кнсе яковлевског помѣстья белоселског богдану ивановѣ сну самарину в вотцкои пятине / в городенском погосте в вопчем селѣ в мроткине / храм никола чюдотворец вопчи со кнжею з дѣ/вкою с оленою со кнзе богдановою дочерю белоселског на богданов жеребеи крстьян / в васка прокоѿев снѣ ѿгуров водик да филиппко демидовы (Löfstrand, Nordquist, 2005, 187).

В случае побегов имена девушек не записывались вообще и таким образом они частично утрачивали свою идентификацию:

августа в' л. дн искала по челобитной // вдова степанида ивановская / жена черкасова на посадцкомѣ / члѣвки на захарки на хлѣбники под / говору бѣглои дѣвки свои да сносног / живота денег ш'ти рублев и д'ву / гривен [...] (Löfstrand, Nordquist, 2005, 99).

В приведенном примере полный биографический формуляр был представлен только в имени Степаниды Ивановской, жены Черкасова, которая занималась поисками своей беглой девки.

ДОЧЬ

В анализируемых писцовых документах XVII века активно использовался гендерный и семейный термин *дочь*, указывавший на тесное родство наследницы с ее отцом (СлРЯ 4, 347).

В *Отдельных книгах 1611 г.* упоминалась девка Марфа, дочь Матфея Кушелева, который отдал ей два двора в новгородской деревне Васьково в Ильинском погосте на Тигоде:

и отделил матеѣвског помістья кушелева до/чери ево маѣе в ыльинском погсте (!) в тиготцком (дрвня) васково два дворы пусты паішни / обжа (дрвня) малои двор а в нем двор пусть [...] (Löfstrand, Nordquist, 2005, 123).

В *Тверских Выписях Потана Нарбекова* (ТУАК, 48) термин *дочь* в сочетании с полным женским именем Палагея показал зависимое положение женщины в семье, потому что безымянные внучата мужского пола, ее ближайшие родственники, были записаны первыми в получении дворового места, а Палагея последней:

[...] а ныне то место дворовое за внучаты их за Степановым сыном Ивановым Посевьявым да за Палагею Дмитриевою дочерью Посевьява (ТУАК, 48).

В этом же документе был отмечен пример, в котором дочь сама распоряжалась своим *черным местом* 'земельным, двором, владельцы которого облагались государственными тягловыми повинностями' (СлРЯ 9, 114):

[...] место черное нечайка поступова, умерь давно, а пашеть то мѣсто троицкой попь еодорь, а дала-де ему то мѣсто нечайкова дочь акулинка по дачѣ отца своего (ТУАК, 113).

ЖЕНА – МАТЬ – ВДОВА

В вологодских, новгородских, тверских и ярославских женских биографических формулярах статус замужества воплотился в таких семейных терминах, как *мать – жена – вдова*, которые, как правило, относились к одному и тому же лицу.

Наиболее интересным и заслуживающим большего внимания являлся статус вдов, который в то время был разнообразен, противоречив и амбивалентен. Прежде всего это проявилось в практике их гендерных наименований. Если до смерти своего мужа она называлась его *женой*, то после его смерти она называлась его *вдовой*, *женой* и иногда *бобылкой* 'женщиной, не имеющей собственной земли и не несущей государственного тягла' (СлРЯ 1, 255).

У него ж живет бобылка вдова Саломанидка Ивановская жена Кирилова, у нее сын Ивашка – двенадцати лет, да в том же доме живет Сенькин шурин Офонька Носов (Матисон, 2014, 91).

Вдовство было одним из наиболее важных компонентов супружества, согласно которому вдова сохраняла свои связи с детьми и внуками и передавала им свои права наследования на землю:

А по[д] тем двором земля, по писцовой книге, бывало вдовы Ирины Борисовской жены Вельяминова, а ныне то место дано внуку ее Офонасью иванову сыну Мусину-Пушкину (Матисон, 2014, 47).

Подобный пример был представлен также в *Дачных книгах 1611/1612 гг. Деревской пятины*, в котором Марья была и матерью, и женой, и вдовой; в случае своего ухода в монастырь она должна была передать двадцать пять четей земли сыну.

[...] а ис тѣхъ ѿск. чети приговорено на про/житок матери его василевской же/нѣ вдовѣ маре. ѿск. чети. и не доидет смир/ново в отцовской окладѣ. ѿск. чети. ѿл. чети. а как мат его вдова марья пострижет/ца или еѣ не станет и та ѿск. чети / ему ж смирному (Löfstrand, Nordquist, 2005, 118).

Уход вдовы в монастырь значительно менял ее гражданские права, потому что там вдова становилась сестрой и жила в келье. Она могла начать свою новую профессиональную карьеру или провести свои последние годы жизни в постоянных молитвах, каждодневное расписание которых зависело от времени проведения монастырской службы, приема еды, выполняемых работ и последующего сна.

[...] пол-мѣста лавочнаго пусто вдовы огрофенки ивановской жены бубенной палки постриглась (ТУАК 1901, 39).

[...] Отъ Воскресенья Христова идучи, по лѣвую сторону съ высила мѣсто пусто келейное вдовы Анницы посадскаго человѣка Фоминскіе жены умерла... (ТУАК, 61).

Примеры из привлеченных к анализу источников показали, что вдовы после смерти своих мужей наследовали их земельные наделы, дворы и торговые лавки. Несмотря на это, имена, фамилии, прозвища и профессии умерших мужей активно записывались в биографические формуляры вдов, которые, возможно, были знакомы с профессиями своих мужей и могли заниматься уплатой оброков ‘податей, налогов (натурой или деньгами) в пользу их феодала или в государственную казну’ (СлРЯ 12, 155). Они продавали и покупали землю, меняли место проживания и вновь выходили замуж:

[...] дворъ вдова Парасковица миткина жена Реброва ловчево пути крестьянина (ТУАК, 18).

[...] пол-лавки вдовы Пелагейки Мишкины жены Косарева, а оброкъ дает Государю (ТУАК, 35).

[...] клѣтъ вдовы Ульянки посадскаго человѣка Ивашковы жены, а купила она тое клѣтъ боярина Ивана Никитича Романова у крестьянина у Микитки Иванова” (ТУАК 1901, 32).

[...] четверть мѣста лавочнаго пусто Авдотьицы Трофимовской жены, живетъ въ Москвѣ” ТУАК, 37).

[...] мѣсто вдовы Варварки, а нынѣ она шла замужъ за посадскаго человѣка за Ивашка Шелуханова (ТУАК, 75).

В русских городах XVII века границы между городом и деревней были зыбкими и неустойчивыми; жизнь городских жителей походила на сельскую и, таким образом, привела к появлению двух цепочек слов: *вдова – жена – крестьянка* или *вдова – крестьянка – жена* в значении ‘вдова, занимающаяся хлебопашеством или другими крестьянскими работами и платившая податные налоги’ (СлРЯ 8, 50–51).

Не имея своих фискальных доходов, многие вдовы становились собственностью своего феодала, который полностью распоряжался их трудом:

[...] дворъ вдова Татьяна сорокина жена, боярина Ивана Никитича Романова крестьянка (ТУАК, 17).

[...] въ избенкѣ вдова Афимьяца, боярина Ивана Никитича Романова крестьянка жена Коптелова (ТУАК, 22).

ПОВИВАЛЬНАЯ БАБКА

Это гендерное словосочетание стало неотъемлемой частью женского биографического формуляра, потому что в нем отразилось древнейшее медицинское занятие, которое было известно со времен появления Ветхого Завета и рассматривалось как естественное продолжение материнских и женских обязанностей².

Оно значительно расширило женские биографические формуляры, потому что показало профессиональную женскую занятость и средневековые понятия о народном медицинском образовании в русском обществе. В исследуемый промежуток времени повивальная бабка была целителем и психиатром для роженицы и ее ребенка, а в случае смерти его погребальщицей (СлРЯ 15, 157). Скупые сведения, представленные в анализируемой официально-деловой письменности, продемонстрировали новый статус вдовы, которая после смерти мужа могла заниматься родами.

---

² В *Книге Исход* (1:15) упоминались повивальные бабки и две их главные повитухи Шифра и Пуа. В *Новом Завете* была описана Саломея-повитуха.

Если в *Тверских Выписях* упоминались четыре повивальные бабки, то в *Вологодских* и *Ярославских Писцовых книгах* их было по одной: вдова и повивальная баба Татьяна (Пугач, 2018, 107), а также повивальная бабушка Алена (Урусов, 1913, 279).

[...] двор повивальная бабка Устинья посадскаго человѣка Павлова жена портнаго мастера, мужъ давно умеръ въ меженину (ТУАК, 25).

Представленная словообразовательная вариативность гендерного термина *баба – бабка – бабушка* проиллюстрировала местное словоупотребление этого слова в его возможной коннотативной окраске в Твери, Вологде и Ярославле.

В случае городских пожаров, войн и неурожаев повивальные бабки испытывали финансовую нужду и нередко нищенствовали:

[...] съ улицы въ соборовскомъ переулкѣ по правой сторонѣ отъ Вознесенской улицы мѣсто пусто повивальной бабки Татьянки да сына ее первушки, а была посадскаго человѣка женишко, скитаецца по миру (ТУАК 1901, 57).

Использование таких языковых выражений, как *жена бродит* или *скитается по миру, пристагает от бедности в городе* или *сошла безвестно* (СлРЯ 1, 336), говорило о маргинальном положении многих женщин после окончания русско-литовской войны и о появлении новых фактов в их биографических формулярах.

Завершая статью, остается добавить, что в исследованных женских биографических формулярах была четко отражена иерархия семейных и социальных взаимоотношений в феодальной России. Лингвистические границы и лексическое наполнение женских биографических сведений зависели от экстралингвистических факторов, местного словоупотребления и особенностей приказного языка XVII века.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Барклай, И.Е. (2003). *Антропонимика Тверского региона*. В: *Аспекты лингвистических исследований*. Сборник научных трудов (175–187). Тверь: Тверской государственный университет.
- Выписи из Тверских Писцовых и Переписных книг Потапа Нарбекова и подъячего Богдана Фадеева 1626 г. Город Тверь*. (1901). Тверская ученая архивная комиссия. Тверь: Типо-Литография Ф.С. Муравьева.
- Макарова, И.Е. (1997). *Выписи из писцовых, межевых, мерных книг и пожалованных грамот Колязинского, Краснохолмского Антониева монастырей*. Тверь: Тверской государственный университет.
- Матисон, А.В. (2014). *Писцовая и Межевая Книга Твери 1685–1686 г.* Москва: Старая Басманная.

- Пугач, И.В. (сост.). (2018). *Писцовые и Переписные Книги Вологоды XVII – начала XVIII века*. Т. 3. Вологда: Древности Севера.
- Словарь русского языка XI–XVII вв.* – СЛРЯ. Вып. 1, 1975; Вып. 4, 1977; Вып. 8, 1981; Вып. 9, 1982; Вып. 12, 1987; Вып. 15, 1989. Москва: Наука.
- Тупиков, Н.М. (2005). *Словарь древнерусских личных собственных имен*. Москва: Языки славянских культур.
- Урусов П. (сост.). (1913). *Ярославские Писцовые, Дозорные, Межевые и Переписные Книги XVII в.* Книга 6. Вып. 3 и Вып. 4. Ярославская ученая архивная комиссия. Ярославль: Типо-Лит. Николаевой, зд. Спас. Монастыря.
- Löfstrand, E., Nordquist, L. with contributions by A. Turilov. (2005). *Accounts of an Occupied City: Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611–1617*. Series 1. Stockholm: Ricksarkivet.

***

- Barklai, I.E. (2003). *Antroponimika Tverskogo regiona. V: Aspekty lingvisticheskikh issledovaniy. Sbornik nauchnykh trudov (175–187)*. Tver: Tverskoi gosudarstvennyi universitet.
- Löfstrand, E., Nordquist, L. with contributions by A. Turilov. (2005). *Accounts of an Occupied City: Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611–1617*. Series 1. Stockholm: Ricksarkivet.
- Makarova, I.E. (1997). *Vypisi iz pistsovykh, mezhevykh, mernykh knig i pozhalovannykh gramot Kolyazinskogo, Krasnokholmskogo Antonieva monastyrei*. Tver: Tverskoi gosudarstvennyi universitet.
- Matison, A.V. (2014). *Pistsovaya i Mezhevaya Kniga Tveri 1685–1686 g.* Moscow: Staraya Basmannaya.
- Pugach, I.V. (sost.). (2018). *Pistsovye i Perepisnye Knigi Vologody XVII – nachala XVIII veka*. Т. 3. Вологда: Древности Севера.
- Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* – SLRYa. Vyp. 1, 1975; Vyp. 4, 1977; Vyp. 8, 1981; Vyp. 9, 1982; Vyp. 12, 1987; Vyp. 15, 1989. Moscow: Nauka.
- Tupikov, N.M. (2005). *Slovar' drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
- Urusov P. (sost.). (1913). *Yaroslavskie Pistsovye, Dozornye, Mezhevye i Perepisnye Knigi XVII v.* Книга 6. Вып. 3 и Вып. 4. Yaroslavskaya uchenaya arkhivnaya komissiya. Yaroslavl: Tipo-Lit. Nikolaevoi, zd. Spas. Monastyrya.
- Vypisi iz Tverskikh Pistsovykh i Perepisnykh knig Potapa Narbekova i pod"yachego Bogdana Fadeeva 1626 g. Gorod Tver.* (1901). Tverskaya uchenaya arkhivnaya komissiya. Tver: Tipo-Litografiya F.S. Murav'eva.

